

0-770400

На правах рукописи

Зайнашева Земфира Фатиховна

**ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТАНЫШСКОГО ГОВОРА
БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА**

Специальность: 10.02.02. – Языки народов Российской Федерации
(башкирский язык)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Уфа 2008

Работа выполнена на кафедре башкирского языка ГОУ ВПО «Башкирский государственный педагогический университет им. М.Акумлы»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Рашит Закирович Шакуров

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Эрнст Файзрахманович Ишбердин

кандидат филологических наук
Миндияр Ишбердинович Дильмухаметов

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Стерлитамакская
государственная педагогическая академия»

Защита состоится "30" июня 2008 года в 14 часов на заседании диссертационного совета Д-212.013.06 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук в ГОУ ВПО «Башкирский государственный университет» (450074, г. Уфа, ул. Фрунзе, 32).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Башкирского государственного университета.

Автореферат разослан "29" мая 2008 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000437404

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук,
профессор

А.А. Федоров

Общая характеристика работы

Актуальность исследования. В башкирской диалектологической науке, несмотря на достигнутые бесспорные успехи, имеется еще немало нерешенных задач. Так, совершенно неравномерно изучены отдельные говоры, входящие как в состав отчасти восточного, южного, так и северо-западного диалектов. Разговорный язык башкир северо-западного региона долгое время, вплоть до 80-х годов прошлого века, не стал предметом специальных исследований. В восполнении этого пробела большую актуальность приобретает дальнейшее более основательное изучение говоров северо-западных башкир в их отношении к другим говорам и диалектам, а также к литературному языку.

В башкирском языке выделяют три диалекта: южный, северо-западный, восточный. В качестве литературного языка принят юрматинский говор южного диалекта.

Язык – не застывшее явление, он развивается, совершенствуется. Поскольку литературный язык является государственным в республике, то его развитие должно происходить в направлении усиления консолидирующей роли по отношению к другим диалектам и говорам. Это возможно, если известны фонетические, морфологические и лексические особенности различных говоров и диалектов.

Исследование этих особенностей должно увязываться с историей его носителей – это позволит выявить архаичные формы, сохранившиеся в данном языковом ареале.

В диссертации выполнено углубленное изучение таныпского говора северо-западных башкир в их отношении к литературному языку, к другим говорам и диалектам языка, к близким тюркским языкам и их диалектам и в какой-то мере к древнетюркским письменным памятникам.

Результаты и исследования таныпского говора северо-западного диалекта башкир могут способствовать дальнейшему обогащению и совершенствованию башкирского литературного языка.

Объектом исследования является таныпский говор северо-западного диалекта башкирского языка.

Цель и задачи исследования

Основной целью работы является монографическое описание фонетических, морфологических и лексических особенностей таныпского говора, сохранившего в себе многие архаичные формы языка древних башкир.

В соответствии с поставленной целью диссертации решаются следующие задачи:

- провести фонетический и морфологический сравнительный анализ таныпского говора, говоров восточного и южного диалектов;
- выявить их особенности и общность с литературным башкирским языком. На этой основе предложить использование сохранившихся в

говоре оригинальных грамматических форм, например, краткой формы повелительного наклонения и вежливости на —ың,ен;

- провести анализ лексики с целью выявления особенностей таныпского говора в сравнении с литературным башкирским языком;

- обосновать связь таныпского говора с древнебашкирским языком, показать, что он является своего рода хранителем многих архаичных форм слов;

- провести сравнительное исследование фразеологии таныпского говора и литературного языка, выявить характерные для говора фразеологизмы-синонимы.

Методологической основой диссертационного исследования послужили фундаментальные идеи о неразрывной связи языка и общества, языка и истории, формирования и развития народа, языка и культуры, социальных функций языка, о богатстве говоров и диалектов башкирского языка.

Научно-теоретической основой диссертации являются труды башкирских, отечественных и зарубежных ученых-тюркологов, посвященные изучению диалектов тюркских языков, а также исследования в других областях языкознания. Мы прежде всего опирались на работы тюркологов и диалектологов Н.К. Дмитриева, Т.Г. Баишева, Дж.Г. Киекбаева, Н.Х. Максютовой, С.Ф. Миржановой, А.А. Юлдашева, Р.Г. Азнагулова, Э.Ф. Ишбердина, Р.З. Шакурова, М.И. Дильмухаметова, У.Ф. Надергулова и др.

Методами исследования являются традиционные лингвистические методы – исторический, сравнительный, сравнительно-исторический, семантико-стилистический. Использовались приемы лингвистического наблюдения, полевого сбора, систематизации, классификации. Лингвистические особенности таныпского говора сравнивались и сопоставлялись с особенностями других говоров башкирского языка, а в ряде случаев и других тюркских языков.

Фактическим материалом послужила литература по фонетике, морфологии, лексикологии, по наречиям и диалектам тюркских языков. Были изучены исторические труды отечественных, зарубежных ученых, различные словари башкирского языка.

Научная новизна и теоретическая значимость исследования заключается в следующем:

1. Таныпский говор берет начало от древнебашкирского языка, который не подвергся второй кипчакизации и поэтому до сих пор сохранил многие архаичные формы, обусловленные тем обстоятельством, что регион избежал вторжения татаро-монгольских племен.
2. Таныпский говор очень тесно связан с айским говором восточного и демским говором южного диалекта.

КАЗАНСКАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Н. И. ЛОБАЧЕВСКОГО
КАЗАНСКОГО ГОС. УНИВЕРСИТЕТА

3. В таныпском говоре встречаются все крылатые выражения, имеющиеся в литературном языке и, кроме того, ему присуще множество собственных фразеологизмов.
4. В таныпском говоре употребляются слова, функционирующие и в других северо-западных говорах. Значительная лексическая общность литературного башкирского языка и таныпского говора дает ценные сведения по проблеме происхождения башкирского народа. Слова, функционирующие только в данном говоре или во всех северо-западных говорах, могли бы употребляться как синонимы для обогащения словарного запаса литературного башкирского языка.
5. Совершенствование норм литературного языка на основе говоров, таныпского в том числе, послужит делу дальнейшей консолидации башкирского этноса.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В таныпском говоре употребляются слова, общие с литературным языком. И в то же время имеются слова, являющиеся диалектами, которые могли бы применяться как синонимы для обогащения литературного башкирского языка.
2. Проведенный нами фонетический и морфологический сравнительный анализ таныпского говора с литературным башкирским языком и с другими диалектами показал, что этот говор очень тесно связан с айским говором восточного и с демским говором южного диалектов.
3. Сопоставительный анализ фразеологизмов в литературном башкирском языке и в таныпском говоре показал, что по богатству крылатых выражений говор превосходит литературный язык, в нем имеется множество собственных, оригинальных фразеологизмов.
4. В мировой практике одним из путей совершенствования норм литературного языка признается использование особенностей говоров. В нашем случае таковым является таныпский говор, учет его особенностей будет способствовать дальнейшей консолидации башкирского этноса.
5. Наше исследование показало относительную древность таныпского говора северо-западного диалекта башкирского языка, носители говора не подверглись коренным изменениям. Население разговаривает на диалекте башкирского языка, который окончательно сформировался на основе древнебашкирского языка после первой кипчакизации.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что в ней впервые предложен сравнительный анализ фонетических, морфологических, лексических особенностей таныпского говора и других говоров башкирского языка.

Практическая значимость исследования. Результаты исследования могут быть использованы в целях усовершенствования и обогащения норм

башкирского литературного языка. В диссертации содержится достаточно богатый материал для подготовки лекций, спецкурсов, спецсеминаров по диалектологии. Данные диссертации могут быть использованы в высших и средних специальных учебных заведениях при разработке программ, учебных и учебно-методических пособий.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационной работы докладывались на 4-х республиканских научно-практических конференциях (Уфа: 2005, 2005, 2006; Бирск: 2006), на республиканских Киекбаевских чтениях (Стерлитамак, 2006). Работа была обсуждена и одобрена на заседаниях кафедр башкирского языка БГПУ им. М.Акумлы (2007), башкирского языка БГУ (2008).

Основные положения прочитанных докладов и сообщений опубликованы в соответствующих сборниках.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии (содержит 168 наименований), списка условных сокращений, двух приложений и изложена на 182 страницах машинописного текста.

Основное содержание работы

Во введении обосновывается выбор темы, ее актуальность, определены предмет, цель и задачи, указываются методы, приемы и основные методологические принципы исследования, раскрывается научная и практическая значимость работы.

2. Научные положения и основные результаты работы, выносимые на защиту.

2.1. Выполнено исследование исторических предпосылок фонетических особенностей таныпского говора, обосновано распространение таныпского говора в Бирском, Дюртюлинском, Бураевском, Балтачевском, Янаульском районах.

С исторической точки зрения северо-западные районы республики – это наиболее древний регион, где происходили этнические процессы, приведшие к сложению башкирской народности. В этническом составе северо-западных башкир отложились следы участия и формирования башкирского народа различных родов и племен, начиная с конца VIII – начала IX вв., когда в Волго-Уральской области появляются древнебашкирские племена, выходящие из Южной Сибири и Алтая.

Лингвист Р.Г.Ахметьянов¹ считает, что общий состав новых гласных в разных (ныне) языках, тюркских и финно-угорских, распространенных на огромной территории, не мог не иметь общего древнего источника. Ученый предполагает, что древнетатарский язык в своих существенных

¹ Ахметьянов Р.Г. Татарский язык в волго-камском языковом союзе: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Казань, 1993. – 42 с.

чертах сложился еще в домонгольскую эпоху и является источником для других тюркских и финно-угорских языков.

Между тем, в домонгольскую эпоху татары еще не жили в Поволжье, поэтому древнетатарский язык не мог быть древним источником названных групп языков. “Татарами” китайские хронисты называли всех степняков-монголов и с их легкой руки это название относят ко всем монголам.

По нашему мнению, в основе башкирского и других тюркских языков Поволжья и Урала лежит другой древний источник – это язык жителей Дешт-и-Кипчака. Кипчаки (половцы, куманы) – тюркский кочевой народ, живший в XI–XIII вв. в южно-русских степях и в центральной и западной частях современного Казахстана.

Первая кипчакизация произошла в эпоху нашествия монгол. Монгольское наступление привело в движение массы кочевников; потерпев поражение и ужасающий разгром, кипчаки рассеялись, особенно в начальный период нашествия, по огромной территории евразийских степей и соседних северных областей. Вот как рассказывает об этом Абул-Гази: “Джучи с преданными ему нукерами из Ургенча пошел в Дешт-и-Кипчак. Кипчакский народ собрался и произошла битва. Джучи-хан победил, перебил [всех] попавших [ему] в руки кипчаков; те из них, которые спаслись, ушли к иштякам (т.е. башкирам). Большая часть иштяков теперь является потомками тех кипчаков¹”.

Кипчакские племена растворились среди башкир и булгаров, т.е. произошла первая кипчакизация. Племена Дешт-и-Кипчака преобразили этнографическую карту древней Башкирии, этнический облик и речь ее населения.

Исторической наукой доказано, что таныпский говор не подвергся коренным изменениям, так как его носители остались на исторической родине, и в разговорной речи употребляют звуки, которые функционировали в древнебашкирском языке и языке жителей Дешт-и-Кипчака.

2.2. Проведен анализ системы гласных, монофтонгов и дифтонгов и системы согласных в таныпском говоре.

Выполнен фонетический анализ таныпского говора в сравнении с говорами восточного и южного диалектов, выявлены их особенности и общность с литературным башкирским языком.

Показано, что в таныпском говоре, в отличие от литературного языка, фонема “а” функционирует в двух вариантах. В начале слова и в первых закрытых слогах слова эта фонема передается звуком, близким к русскому “о”. В других позициях фонема передается неогубленным звуком “а”. Окающий говор характерен не только для татарского языка, но и для языка Волго-Камского региона, а также для других языков. Например,

¹ Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. – М.: Наука, 1974. – 557 с.

литературным и научным якутским языком принят говор окающих улусов Якутского округа¹. Если возьмем говоры башкирского языка, то огубленный “а” наблюдается в айском, аргаяшском, ик-сакмарском, демском говорах.

В таныпском говоре зафиксированы следующие чередования гласных: а^о ~ у: а^олай ~ улай (лит.) ‘так’, местоимение 3-лица при склонении по падежам выступает с начальным а^о вместо литературного у, в этом таныпский говор сходен с айским, аргаяшским, ик-сакмарским, демским говорами. а ~ э, э ~ а: йан (танып.), йән (лит.) ‘душа’; чередование встречается в кызыльском, айском говорах; э ~ е, е ~ э: мән (танып.), мен (лит.) ‘недостаток’, төтөлдөк (танып.), төтөлдәк (лит.) ‘тараторка’. Есть слова, которые употребляются в двух вариантах: белеки, беләкәй, бәлки, бәлтек, бәләкәй (танып.), беләкәй (кубалак.), бәләкәй (лит.), ‘маленький’; е ~ и: елау (танып.), илау (лит.) ‘плакать’. В таныпском говоре некоторые слова сохранились в первоначальном виде: тигәнәк (танып.), дегәнәк (лит.) ‘репей’; и ~ ы, и ~ э: жиһан (танып.), йыһан (лит.) ‘вселенная’. Чичкә//чәккә (танып.), сискә//сәскә (айск., средн., ик-сакм.), сисәк (сальют), сәскә (лит.) ‘цветок’; о – ы, ы – о: богау (танып., арг., ик-сакм.), быгау (лит.) ‘путы’, оңгай (танып.), ыңгай (лит.) ‘положительно’; о ~ у, э ~ ү в начальной и срединной позициях наблюдается такое соответствие: ботау (танып., айск.), бутау (лит.) ‘мешать’, йөгөрү (танып.), йүгөрү (лит.) ‘бегать’. Соответствие о ~ у может указывать на древние диалектные признаки языка рунических памятников²; э ~ о, о ~ э: дөнъя (танып.), донъя (лит.) ‘мир, вселенная’, гомум (танып.), гөмүм (араб., лит.) ‘вообще’; э ~ е: тейәү (танып.), тейәү (лит.) ‘загружать’; у ~ ы: маймул (танып., арг.), маймыл (лит.) ‘обезьяна’; э (е) ~ э: в начале слова, во втором слоге слова: көчек (танып.), көсөк (лит.) ‘щенок’; э (е) ~ и, ы: в начале слова: эреү (танып.), иреү (лит.) ‘таять’, эшлейә (танып.), ышлыя (лит.) ‘шлея’; ы ~ о, а, у, е, э: ғырлау (танып.), ғорлау (лит.) ‘храпеть’, быйау (танып., аргаяш.), буйау (лит.) ‘краска’.

Последовательная губная гармония является одной из особенностей башкирского языка, в некоторых говорах это правило не соблюдается: борын (с.-зап. д-кт, вост. д-кт), борон (лит.) ‘издревле’. О ~ ы: богау (танып., арг., ик-сакмар.), быгау (лит.) ‘оковы’. Редукция подобного типа характерна частично для демского, северо-западных говоров башкирского,

¹ Воронкин М.С. Диалектная система якутского языка: образование, взаимодействие с литературным языком и структура. автореф. дис. ...д-ра филол. наук. – Якутск, 1987. – 47 с.

² Батманов И.А. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. – Фрунзе, 1959. – С. 118, 120.

также для других кипчакских языков¹. О ~ у, ө ~ ү: в начальной и серединной позициях: *ботка* (танып.), *бутка* (лит.) 'каша', *йөгереу* (танып.), *йүтереу* (лит.) 'бегать'. Такое соответствие наблюдается и в айском говоре. Взаимосвязь фонем о ~ у, ө ~ ү также связана с изменением древнетюркской шкалы гласных. Соответствие о ~ у может указывать и на древние диалектные признаки языка рунических памятников. Чередование ө ~ о, о ~ ө: *гөпкөлдөтү* (танып.), *гополдатыу* (лит.), *гомбагыш* (танып.), *көнбагыш* (лит.) 'подсолнух'. У ~ о, ү ~ ө, е: *йумарт* (танып.), *йомарт* (лит.) 'щедрый', *чүмерү* (танып.), *һемереу* (лит.) 'пить без передышки', русские заимствования также подчиняются данной закономерности: *парум* 'паром', *мужит* 'может'.

В таныпском говоре употребляются в основном монофтонги. Монофтонгизация наблюдается в айском, кызыльском говорах восточного диалекта², в ик-сакмарском, среднем, демском говорах южного диалекта³, в нагайбакском говоре Южного Урала и Зауралья татарского языка⁴, нагорном говоре среднего диалекта татарского языка⁵.

Дифтонгизация башкирского и татарского языков, видимо, произошла под влиянием монгольского языка, где дифтонги употреблялись в таких словах, как: курултай, нойон и т.д. Приведем примеры: өй > ү: *үрө* (танып., айск.), *өйрө* (лит. башк., тат.) 'похлебка'; ыу > у: *уғыз* (танып.), *уғыз* (демск.), *оғуз* (древн. тюрк. яз), *ыуыз* (лит.) 'молозиво'; ый > и: *пима* (танып.), *бима* (средн.), *бийма* (лит.) 'валенки'; ай > а: *качы* (танып.), *кайсы* (лит.) 'ножницы'; ой > о: *бодай* (танып.), *бойзай* (лит.) 'пшеница'; еү > у: *куәт* (танып.), *кеүәт* (лит.) 'сила'; оу > у: *посу* (танып.), *боҫоу* (лит.) 'таиться'; ау > у: *куак* (танып.), *кауак* (лит.) 'перхоть'; (э) ей > и: *иләшеу* (танып.), *эйәләшеу* (лит.) 'привыкнуть, прижиться'; әй > и: *песи* (танып., демск.), *бесәй* (лит.) 'кошка'; йа > а: *ашаулык* (танып.), *ашъяулык* (лит.) 'скатерть'.

Несмотря на то, что говор имеет ярко выраженные особенности в плане монофтонгизации, в некоторых словах наблюдается обратное явление: а > ый: *кыйлану* (танып., айск.), *кылану* (лит.) 'представляться'; и > ей: *нейә* (танып., айск.), *ниңә* (лит.) 'почему?'; мейә (танып., айск.), *миңә* (лит.) 'мне'.

¹ Гаджиева Н.З. Проблемы тюркской ареальной лингвистики: Среднеазиатский ареал. – М.: Наука, 1975. – 303 с.

² Максютова Н.Х. Восточный диалект башкирского языка в сравнительно-историческом освещении. – М.: Наука, 1976. – 292 с.

³ Миржанова С.ф. Южный диалект башкирского языка. – М.: Наука, 1979. – 272 с.

⁴ Юсупов Ф.Ю. Татарские говоры Южного Урала и Зауралья (Челябинской и курганской областей). Автореф. дис. .. канд. филол. наук. – Казань, 1972. – 28 с.

⁵ Залая Л. Татар теленен фонетикасы буенча материаллар. – Казань, 1954. – 309 с.

Общее для тюркских языков явление протезы и эпентезы наблюдается и в таныпском говоре: *эрэхэт* (танып., айск.), *рахат* (араб.) 'блаженство, покой'; *ырас* (танып., айск.), *раст* (перс.) 'прямой, правый, точь-в-точь'; *ышкаф* (танып.), 'шкаф'; *ыскылат* (танып.) 'склад'. При закрытом слоге эти гласные появляются в конце: *отпуска* – 'отпуск'.

Наблюдается вставка гласных в исконно башкирских словах: *көләчә* (танып.), *көләсә* (демск.), *көлсә* (лит.) 'лепешка'. И наоборот, в таныпском говоре отдельные слова употребляются в отличие от слов литературного языка без начальных гласных: *чык* (танып.), *сык* (айск., демск.) *ысык* (лит.) 'роса', *чык* (кирг.) 'влага, роса', *чийг.*, монг. 'сырость, влага, влажность', *чык* (древн. тюрк. яз.) 'влажный, пропитанный влагой'.

В таныпском говоре закон губной гармонии функционирует примерно так же, как и в других говорах башкирского языка. В говоре нёбная гармония нарушается от палатальности к твердости: *көнозон* (ө – о) 'в течение дня', что наблюдается и в аргаяшском говоре: *бәйтак* 'изрядно'.

Говор характеризуется преимущественным употреблением слов с переднеязычными гласными, есть слова, общие с восточными говорами: *көләкәй*//*көлкәй* (танып.), *көлкәй* (аргаяш.), *колкай* (лит.) 'жеребенок'.

По определению А.М.Щербака¹, редукция узких гласных в многосложном слове – характерная черта кипчакских языков: башкирского (для его говоров), татарского, казахского, алтайского, карачаево-балкарского и др. Полной редукции подвергается гласный *ы* в позиции между *х* и *р*, *р* и *б*, *р* и *к*, *р* и *г*, *р* и *л*: *барсы* – *барыны* 'все' и т.д.; *е* между *г* и *р*, *л* и *к*: *бигрәк* – *бигерәк* 'очень'; *о* между *й* и *р*: *бойрок* – *бойорок* 'повеление'; *ә* между *г* и *д*, *р* и *к*, *л* и *к*: *белки* – *баләкәй* 'маленький'; в конце слова: *мей* – *мейе* 'мозг'. В говоре наблюдается и стяжение слов: *белмәм*//*белмәйем* 'не знаю'.

Согласные таныпского говора по способу образования не отличаются от соответствующих согласных литературного языка, за исключением употребления мягких *ж*, *ч* и отсутствия интердентальных *ç*, *ž*.

Звук *б* в башкирском языке характерен для начальной позиции: *бумала* 'помело', *бәйгамбәр* 'пророк' и др. В таныпском говоре эти слова произносятся со звуком *п*. С.Е.Малов² утверждает, что употребление начального *п* представляет собой явление весьма древнее, пережиточное для многих языков тюркской системы. В таныпском говоре эта древняя форма сохранилась: *печән* (танып.), *песән* (демск.), *бесән* (лит.) 'сено' и др. Употребление глухого *п* в аналауте сближает таныпский говор со средним, айским, аргаяшским, демским говорами и диалектами

¹ Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. – Л., 1970. – 394 с.

² Малов С.Е. памятники древнетюркской письменности. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – С. 313-314.

алтайского¹, уйгурского² языков, чувашским и языком сибирских татар. Наблюдаются такие чередования: б ~ п: в интервокальной позиции: *тәбәшәк* (танып., средн., демск., миас., с.-з. говоры), *тәпәшәк* (лит.) 'низкий'; м ~ б: В определенном кругу слов, это явление общетюркского характера: *мерә* // *бөрә*, *бөрә* (лит.) 'почка'. Назализация, основанная на воздействии последующего сонорного, происходит при склонении указательного местоимения: *моның* // *мының* (танып.), *мының* (айск.) 'этого'; б ~ в: *балчык* — *валсык* (лит.) 'крошка хлеба'; б ~ к: *бәтәйтү* — *котайтү* (лит.) 'делать зажиточным'; б ~ у, ү: *кебек* — *кеүек* (лит.) 'похожий'.

Согласные д, т — озвончение т или оглушение д в говорах башкирского языка имеют свои закономерности. Таныпский говор отличается озвончением: *дары* (танып.), *тары* (лит.) 'просо'. В то же время основная часть слов подчиняется литературной норме: *тилбәрән* 'белена'; д ~ л: после сонорных: *дөбөрдәтү* (танып.), *дөбөрлөтәү* (лит.) 'стучать'; д ~ з: *адаш* — *азаш* (лит.) 'тезка'; д ~ н: в единичных случаях: *яңыдан* — *яңынан* (лит.) 'снова'; т ~ д: *тигәнәк* — *дегәнәк* (лит.) 'репей'. Употребление начального т характерно для азербайджанского, казахского, караимского, киргизского, татарского, гагаузского языков. В говорах башкирского языка — для бурзянского подговора: *таға* — *даға* (лит.) 'подкова'; т ~ з: *атна* — *азна* (лит.) 'неделя'; т ~ с: *төчө* — *сөсө* (лит.) 'пресный'; т ~ о (ноль): *шапыртыну* // *шапырыну* 'хвастаться'.

В говоре интердентальных з, с нет, употребляются з, с. Исследования Дж.Г.Киекбаева доказывают, что звуки с, һ, з в башкирском языке и его говорах появились на основе сильной тенденции к спирализации звуков с и з древнетюркского языка, вне влияния языков другой системы.

В таныпском говоре бытуют интересные варианты слов. Слова *Ағизел* (Белая) — *Изел*, *казак* — *казак* 'гвоздь', *изән* — *изән* 'пол', *йозрок* — *йозрок* 'кулак'. В этих словах в таныпском говоре произносится з, в башкирском литературном языке — з, татарском — д. В других говорах: *хезмәт* (айск.) 'труд', *изән* (демск.) 'пол', *эз* (ик-сакмар.).

Согласный с выступает в говоре вместо литературных звуков с, һ. Соответствия с ~ с, с ~ һ являются одной из характерных черт северо-западных говоров, что наиболее ярко выражается в таныпском говоре: *сүрәт* (танып., айск., средн.), *һүрәт* (лит.) 'рисунок', *асаба* (танып., средн.), *асаба* (лит.) 'вотчинник', *сызлау* (демск.) 'болеть, нить'. Звук с в таныпском говоре может употребляться в начале слова вместо литературного һ: *сом* — *һум* (лит.) 'рубль'; в середине: *тупса* — *тупһа* (лит.) 'порог'; в аффиксах: *алсыз-йалсыз* — *алһыз-ялһыз* (лит.) 'без передышки'; с ~ с: *дисбе* — *тисбе* (лит.) 'четки' и т.д.; с ~ к, ш, т: *лыкма*

¹ Баскаков Н.А. Алтайская семья языков и ее изучение. — М.: Наука, 1981. — 134 с.

² Садвакасов Г. Язык уйгуров Ферганской долины. — Алма-Ата, 1970. — 187 с.

// лычма — лысма (лит.) 'насквозь'; сыйык — шыйык (лит.) 'жидкий';
төчкалтем — сөскалтем 'пресный'.

Чередование т ~ с является дифференцирующей особенностью южных диалектов уйгурского¹, диалектов чувашского языков².

Функционирование согласного звука һ в таныпском говоре ограничено, вместо него появляются звуки с, ч: соң 'поздно', в ряде случаев звук һ совсем выпадает: уш — нуш (лит.) 'чувство, сознание, Эдия — 'женское имя'; к, ш ~ һ: карун — һарун (лит.) 'скупой', шурпа — һурпа (лит.) 'бульон'.

В говоре вместо литературного с употребляется общетюркский звук ч: муча — мунса (лит.) 'баня'. В некоторых заимствованиях вместо с произносится ч: бич — 'весь', кәрәчин 'керосин', читнай (оны) 'ситный'; ч ~ д, ш: чаң — даң (лит.) 'звук колокола', юнычкы — юнышкы (лит.) 'стружка, щепки'.

Для говора характерно преимущественное употребление мягкого звука ж вместо литературного й: жиһан — йиһан (лит.) 'вселенная', в то же время не исключается употребление слов в двух вариантах: жәннәт//Йәннәт 'рай'. В единичном случае вместо б употребляется й: тәйскмәк — тәбикмәк (лит.) 'блин'.

В говоре отмечается явление полной прогрессивной и регрессивной ассимиляции: ашаулык // ашшаулык 'скатерть', чимечкә — симешкә (лит.) 'семечки' и т.д. Такая ассимиляция отмечается и в других говорах, особенно восточного диалекта. В изучаемом говоре под воздействием регрессивной ассимиляции с, з основы переходят в ч: ручча 'по-русски', кыргычча 'по-киргизски'.

Характерной особенностью говора является выпадение начальных и конечных согласных в именах существительных: ауа — һауа (лит.) 'небо', сасы — һасык (лит.) 'вонючий', в середине слова наблюдается выпадение звуков л, к, й, ш, н, г: китерү — килтереү (лит.) 'принести', кисап — киле сап (лит.) 'толкуша' и т.д. н, й выпадают перед с: муча — мунса (лит.) 'баня', качы — кайсы (лит.) 'ножницы'; к — перед ш: ошау — окшау (лит.) 'понравиться' и т.д. Наблюдается и обратное явление: шушында — ошонда (лит.) 'тут', күмәртәм — күмәртә (лит.) 'оптом'.

Метатеза, т.е. перестановка согласных наблюдается между й и р, б и з, ң и р, н и л, р и й, ң и л, м и л, б и р, р и з, к и ч, к и м, ч и т, т и ч: кайры — кайыр (лит.) 'кора', абзар — азбар (лит.) 'хлев' и т.д.

¹ Кайдаров А.М. Развитие современного уйгурского литературного языка /Уйгурские диалекты и диалектная основа литературного языка. Ч. 1. — Алма-Ата, 1969. — С. 56–63.

² Сергеев Л.П. Диалектная система чувашского языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Баку, 1973. — 38 с.

2.3. Морфологические особенности главных частей речи таныпского говора.

В области морфологии говор характеризуется сложным составом аффиксальных морфем в самых различных частях речи.

Таныпский говор обнаруживает ряд отличий от литературного языка в употреблении падежных форм.

	Последняя буква слова в именит. падеже	Падежи					Оконч. множ. числа
		родит. падеж	дат. падеж	винит. падеж	местн.-врем. падеж	исходн. падеж	
1	а(я), э, ы, э(е), о, ө, у, ү, и, л, р, й, з, ж, ж	-нын -нең	-ға -гә	-ны -не	-да -дә	-дан -дән	-лар -ләр
2	м, н, ң	-нын -нең	-ға -гә	-ны -не	-да -дә	-нан -нән	-нар -нәр
3	б, в, д, г, к, п, с, т, ф, х, һ, ц, ч, ш, щ	-нын -нең	-ка -кә	-ны -не	-та -тә	-тан -тән	-лар -ләр

Выявлено, что образование имен существительных в говоре характеризуется обилием словообразовательных аффиксов.

Продуктивными аффиксами являются -лык/-лек, -нык/-нек, -дык/-дек, -тык/-тек. Непродуктивный аффикс -шык/-чек образует существительное и прилагательное со значением физического недостатка: *тымшык* 'человек, который гнусавит'. -чык/-чек в отличие от литературного языка, где он дает лишь оттенок уменьшительности, в таныпском говоре образует новые слова: *төпчөк* 'последыш', -кай/-кәй – 1) образуют новые слова: *каләкәй* 'жеребенок'; 2) уменьшительно-ласкательную форму: *эпекәй* 'хлебушко'; 3) употребляются в разряде междометных слов: *инәкәйем!* 'матушки мои!'; 4) в противоположном значении к уменьшительно-ласкательным словам: *Атакай* 'верзила, человек, который задирается'. -ма/-мә: *төрмә* 'разновидность пирога'. -ак/-әк, -ык/-ек образуют прилагательные, которые, субстантивируясь, переходят в разряд существительных: *ләпек* 'уличная грязь', эти аффиксы являются формами древнего аффикса, которые в современном башкирском языке утратили конечные к, к, восходящие к древнетюркским языкам¹. -как/-кәк аффикс от глагола в форме взаимного залога образует существительные, означающие определенный признак: *баткак* 'непролазная грязь'. -кыч/кеч, -гыч/-геч со значением действия и характера действующего лица: *төртөнгөч* 'бродяга'. -ка/-кә: *лыпыка* 'грязнуля'. -лык/-лек: *башлык* '1) головной

¹ Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 278 с.

убор, 2) глава'. —аш/-эш, —ыш/-еш образует от глагола повелительного наклонения: *узыш 'опережение'*. —ай/-эй, —ый/-ей, —и — указывают 1) на внешний вид: *бәбәй 'маленький ребенок'*; 2) уменьшительно-ласкательность: *пыскый 'коптилка'*; 3) ласкательно-уничижительность: *тамакай 'обжора'*, которая употребляется только в северо-западных говорах. —бай/-бәй, —бый/-бей — пережиточный аффикс: *бахбай 'лошадь'*. —кач + ай/ —кәч + әй — характерны для северо-западных говоров: *апыкачайым 'обращение к младшим себя'*; —ушка/-үшкә — выражают недостатки личности: *хәчтерүшкә 'человек, имеющий жалкий внешний вид'*. —ды/-де: орды *'заготовитель'* от слова *обманул*; —ау/-әү: *миңгерәү 'тупой человек'*. —ман/-мән: *әрекмән 'релей'*. —ан/-ән: *үшән 'заторможенный человек'*. —ған/-гән: Себергән *'гидроним'*. —ат/-әт *бырамат 'человек, гуляющий без дела'*. —ак/-әк: *бәләк 'скалка для белья'*. Малопродуктивные суффиксы: —ма+нак: *Кушманак 'топоним'*, —ар/-әр: *Таңатар 'топоним'*, —лы/-ле: *Каргалы 'топоним'*, —ып: *Танып 'гидроним'*, —лар/-ләр: *Тазлар 1) 'топоним', 2) 'название племени'*.

Установлено, что имена прилагательные в говоре образуются в основном синтетическим способом. Продуктивные аффиксы —лы/-ле, —ны/-не. Прилагательные с аффиксом —сыз/-сез имеют положительную пару с аффиксом —лы/-ле, но есть и такие, которые употребляются лишь в форме на —сыз/-сез: *пырдымсыз 'беспардонный'*. —ылтык/-елтек: *мыркылдык 'человек, разговаривающий, подражая хрюканью'*, —ыш/-еш: *чырыш (кеше) 'человек, добывающий своего'*, —мыш/-меш — огузский аффикс: *чукинмыш 'сообразительный'*. —ыу/-еу, —ым/-ем — обозначают недостаток: *кызыу 'вспыльчивый'*. —ма/-мә — характерный для всех говоров. —малы/-мәле — выражает состояние характера: *шаккатмалы 'сногосшибательный'*. —кыс/-кес, —гыч/-геч — малопродуктивный: *куркыныч 'страшный'*. —сак/-сәк, —чык/-чек со значением скрытности предмета к какому-нибудь действию: *йәремсәк 'любящий ходить'*, —чан/-чән, —чыл/-чел — аффикс со значением особенностей в характере: *сүзчән 'сплетник'*. —лыкай/-лекәй: *шәплекәй 'проворный'*. —тас/-тәс — указывает на преобладающий признак: *йөнтәс 'волосатый'*. —тык/-тек, —дык/-дек — со значением физической неполноценности: *печмелдек (күз) 'слезящиеся глаза'*. —ык/-ек, —әк: *кылтык 'обидчивый'*. —дай/-дәй, —тай/-тәй, —тый/-тей: *бүредәй 'как волк'*. —kak/-кәк, —gак/-гәк: *йәбешкәк (танып, демск) 'прилипающий'*. —ған/-гән, —кан/-кән *пешмәгән 'недотепа'*, —ыр/-ер: *лыстыр 'трудный на подъем'*. Непродуктивные аффиксы: —ынкы: *басынкы 'послушный'*, —шак: *шапшак 'грязный'*, ме әжәме *'незакаленный, быстро подвергающийся болезни'*, —ы: *кыты 'высокомерный'*, —ән: *үшән 'спит на ходу'*, —ен: *үткен 'острый'*, —ыйн: *дастыйн (кеше) 'высокий'*, —ар: *комар 'жадный'*, мат/мәт: *телмәт, 'разговорчивый'*.

В таныпском говоре при подсчете собирательные числительные выступают вместо количественных: берәү 'один' и т.д. Собирательные числительные с аффиксом —ау/-әү принимают аффикс принадлежности и являются субстантивированными числительными: *Өчәүе килде 'Пришли трое из них', Икәүе үсте (аргаяш.) 'Выросли двое из них'*. Числительное может употребляться в функции субстантивированного прилагательного: *икеле капчыгы 'двоечник, мешок, заполненный двойками'*. Числительное приблизительного счета образуется с помощью аффикса —лаган/-лөгән: *унарлаган 'около десяти', бишлөгән 'около пяти'*.

В таныпском говоре, довольно употребительны числительные приблизительного счета, образованные путем асиндетического сложения двух количественных числительных: *бер-ике 'один-два', илле-алтымыш 'пятьдесят-шестьдесят'*, т.е. счет колеблется между двумя числами. В разделительных числительных вместо унар, унбишәр литературного языка употребляется унышардан 'по десять', унбишәрдән 'по пятнадцать'. Собственные числительные образуются главным образом при помощи аффиксов —ау/-әү плюс аффикса приблизительного счета —лап/-ләп: *алтаулап 'вшестером', бишәүләп 'впятером'*.

Употребляется сложная конструкция счета двойками, десятками и т.д.: *Йегерме йөзлек 'двадцать сотенников'* — первый компонент выражает количество, второй — в форме имени, образованного от числительного, выражает часть, подвергающуюся счету. Подобный способ счета употребляется для выражения десятков в древнетюркском языке¹, сохранился в айском говоре.

По диалектным особенностям разряды местоимений таныпского говора сближаются с восточным диалектом, особенно с айским говором. Личные местоимения в дательном падеже имеют окончания —ә, —а (мин — мейә, минә, син — синә, сейә, ул — ана), в чем говор обнаруживает сходство с диалектами азербайджанского, турецкого языков, с миасским, дуванским, мечетлинским подговором айского говора. Кроме этих форм функционируют: дательный падеж: *мейәргә, миңәргә 'мне', сейәргә, синәргә 'тебе', аңарга 'ему', исходный: мейәрдән, миңәрдән 'от меня', сейәрдән, синәрдән 'от тебя', аңардан 'от него'; местный: мейәрдә, миңәрдә 'у меня', сейәрдә, синәрдә 'у тебя', аңарда 'у него'*.

Местоимения в дательном (напр.) падеже имеют окончание —на/-нә вместо литературного —га. Такое же окончание характерно для местоимений ул, шул, был айского говора и говора среднеуральских башкир. Вопросительное местоимение что? имеет много вариантов, эта же

¹ Исхаков Ф.Г. Числительное. "Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков", ч. 2. — М.: Наука, 1956. — 123 с.

особенность наблюдается в айском говоре: *нәмә? нәмәкәй? нәрсә? нәрсәкәй? нәмәстәкәй? нимәстәкәй? ней? нейәрсә? нәстә? нәстәкәй? нәмәрсә? нәмәрсәкәй? нәмәстә? нейәмәстә? нейәмәстәкәй?* — лит. *нимә?* Из указательных местоимений наиболее активны *бу, теге, менә, монау, анау, өнәү, менә бу, менә теге, менә шул, шушы, мондый, монаундый, анаулай, шундай, шундаенчы, шушы шикелле*. Отрицательные местоимения оригинальны по способу образования и разнообразны, как и в айском говоре. Составными элементами их являются слова *лич, бер, ней*. Отрицательные местоимения *бер нәмәстәкәй, бер әсәр дә, бер бәртек тә, бер ничек тә, ничек ничек тә, лич нәмәкәй, лич ничек тә* обозначают ‘несколько’; *бер качан да, лич качан да, лич бер качан да* — ‘никогда’.

Местоимение *кайсы* имеет еще и древнюю форму *кай* ‘который. какой?’, употребляющуюся в среднем и в демском говорах: *Кайларда булдың? ‘В каких краях был?’*.

Неопределенные местоимения в говоре образуются сочетанием слов *берәү, берәүләр, бер, әллә*, имеющих значение неопределенности, и варианта вопросительного местоимения: *әллә нәрсә ‘что-то’*.

Показано, что очень развиты временные формы изъявительного наклонения глагола. Глаголы настоящего времени во 2-м лице множественного числа имеют аффиксы *-сыз/-сез* вместо литературного *-ныгыз/-негез*.

В говоре употребляются глаголы с аффиксами *-ыңкыра/-енкерә*, обозначающие форму настоящего продолжительного. В 1-лице единственного и во 2-лице множественного числа наблюдаются такие же отличия, как и в демском говоре: *утырамын (-м) ‘сiju’, утырасыз ‘сидите’*. Отрицательная форма имеет наряду с формой *-майым/-мәйм* такие аффиксы, как *-мам/-мәм, -смын/-смен*, последняя форма характерна для юрматинского говора. Форма продолжительного-настоящего времени заключается в глаголах *тораң (танып.) куйзым, тораң (аргаяш.), утырып тораң ‘сiju’*. Прошедшее время выражается при помощи аффиксов *-ийе/-ыйы*: лит. *инә укыганыйы ‘читал’*. *-кан/-кән, -ган/-гән* наблюдается и в кызыльском говоре: *йатканмын ‘я лег’*; в узбекском: *алганман ‘я взял’*. Сложные формы прошедшего времени образуются и из других временных форм: настоящего и вспомогательного глагола *ейе, лит., - инә ‘было, бывало’ тораыйы, тора инә (лит.)*.

Форма прошедшего законченного времени выражается аффиксами *-кан/-кән, -ган/-гән* и аффикса сказуемости *-мын*. Такая форма наблюдается в кызыльском говоре. Отрицательный глагол прошедшего времени выражается аффиксами *на - ма/-мә; -ган/-гән*; без личного окончания (и в кызыльском говоре): *мин кермәгән ‘я не вошел’*, *деепричастием на -ып* и безличной формы глаголов *кит, кайт, кил, күр*,

йере: эшләр йерелде 'приходилось работать'. Эта форма употребительна в северо-западных говорах, кызыльском говоре и представляет собой древнее явление в эволюции глаголов башкирского языка.

Будущее время имеет два варианта: 1) -ар/-әр, -ыр/-ер – литературный и 2) в живой речи может выпадать в 1-м лице и 2-м лице –р. Формы будущего времени, выражающие неуверенность в совершаемом действии –ылыр әле, что наблюдается и в кызыльском говоре.

Логическая сложная форма образуется посредством повторения деепричастия на -ып/-еп и основного глагола с личным окончанием –мын/-мен; со значением желания: -ар/-әр ыйы. Древняя отрицательная форма выражения будущего времени сохранилась в отрицательном аспекте спряжения 1-го лица единственного и множественного чисел, выражается афф. -мас/-мәс: кеймәсмен 'не надену', сохранилась в айском, аргаяшском говорах и юрматинском подговоре. Употребляется отрицательно-предположительная форма -мас/-мәс +тай +глагол булу, что имеет место и в миасском говоре.

Семантика уверенности субъекта в совершаемом в будущем действии выражается глаголами: бармай тағы; барған диярләр; бармай торсын; бардын, бармай ни 'никогда не пойду'.

Установлено, что повелительное наклонение образуется в основном с помощью аффиксов -ын/-ен. Эта глагольная форма имеет место в восточных говорах, распространена в среднем Прикамье, в языке барабинских татар, была характерна также для старотюркского письменного языка Урало-Поволжья, встречается в памятниках древнетюркской письменности¹, данный тип зафиксирован в енисейских надписях, образцах уйгурского письма XVII в.² В таныпском говоре сохранилось употребление повелительного наклонения на -ен во 2-м лице единственного числа в слове дейен 'скажи'. Пример: Бар, апайыңа әйт, ятрәк кенә кайт дейен. 'Иди, скажи братишке, чтоб быстро вернулся'.

Отрицательный аспект повелительного наклонения выражается, как и в аргаяшском говоре, присоединением афф. -ма/-мә к основе положительного аспекта -лаш/-ләш, -наш/-нәш. Оттенок повеления, просьбы одновременно на -сана/-сәнә: барсана 'иди же' – такая же форма есть в айском, аргаяшском говорах: -чы/-че: алчы (танып.), алсы (айск.) 'возьми-же'. Форма повелительного наклонения сочетается с частицей әле: кал әле, 'останься-ка', употребляется и в среднем говоре.

¹ Батманов И.А. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. – Фрунзе, 1959. – С. 31.

² Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – 446 с.

В говоре бытуют глагольные формы, которые передают различные оттенки желательного наклонения. Более активной представляется форма, выражающая произвольное желание: *Барасы килә 'Хочется съездить'*. Такая форма не имеет показателей лица. Форма желательного наклонения на *-аһы/-эһе килә* характерна для восточного ареала, а также для азербайджанского, гагаузского, турецкого, туркменского и других тюркских языков с огузскими особенностями, а форма на *-һайны/-һейне* — употребляется в туркменском, турецком, узбекском и азербайджанском языках, где также выступает форма на *-сайды/ -сейди*.

Желательное наклонение в говоре образуется путем слияния формы условного наклонения *-са/-сә* с вспомогательным глаголом *-ыйы/-ейе* — лит. 'ине': *булсайы, булһайы (айск.)* — лит. *булһа ине 'желательно было бы'*. Произносится как единое целое.

Желание или нежелание совершить действие выражается при помощи форм условно-желательного наклонения: *Барсак-барайык, нейә (танып.)*. *Барһак-барайык, нейә (айск.) 'Почему, идти так идти'*.

Формы на *-макчы/-мәкче* в сочетании с глаголом *бул* выражают неисполненное желание: *Бармакчы булһаныйым 'Хотел было съездить'*. Желание-опасение передается при помощи древнего аффикса *-гайы/-гәйе*: *алып качмағайы (танып.)*, *алып касмағайы (средн.)* — лит. *Алып касмаһа ярар ине. 'Как бы не уташил'*. В говоре бытует причастно-субстантивная форма на *-асы/-әсе+бар* 'есть' или *юк* 'нет', которая выражает желание-намерение: *Барасы барыйы 'Необходимо идти'*, *Барасым юк 'Ни за что не пойду'*. Прошедшее время условного наклонения, состоящее из основного глагола на *-са/-сә* и неполного глагола *ыйы* — лит. *ине* в личной форме приобретает значение неосуществимого желания: *ашасайым 'вот бы покушать'*, *күрһәйнем (айск.) 'вот бы увидеть'*. С помощью вопросительных аффиксов *-дың+мы/-дең+ме*, *-дың/-дең*, *-дың/-дең + исә* выражаются глаголы условного наклонения: *бардыңмы, бардың; бардың исә 'Если пойдешь'*. Форма невозможности образуется путем присоединения к деепричастию на *-а* глагола *алма*, восходящего к древнему глаголу *ама/ума 'не мочь'*. Сложная форма состоит из элемента прошедшего времени *-ды* и неполного глагола *исә*: *бардыңсә 'если пойдет'*.

Инфинитив представлен грамматическими показателями башкирских говоров, в том числе афф. *-мак/-мәк*, который встречается в языке древнетюркских письменных памятников.

Выявлено разнообразие залогов: для таныпского говора характерно употребление возвратного залога вместо действительного: *ашан 'ешь'* — лит. *аша*. Понудительный залог имеет аффиксы *-кыз/-кез* и употребляется в значении основного залога: *Йокларга йаткыз 'заставь*

лечь спать’ – лит. *йаткыр*. Понудительный залог образуется с помощью сплетения нескольких залоговых аффиксов: взаимного залога, кратности. К примеру, в слове *барышкылаштыр* ‘посещай время от времени’ -ш – аффикс взаимного залога, кала – кратности, -ш – повторный аффикс взаимного залога, -тыр – понудительного залога. Эта залоговая форма употребляется и в салыутском говоре. Возвратный залог оформляется формой аффикса -ын/-ен/-ан: *тапаныу* ‘топтаться’. В отдельных глаголах возвратный залог оформляется аффиксом взаимного залога -ыш/-еш, где формант, выражающий значение взаимного залога (совместности), относится в первую очередь к действиям субъекта, направленным к самому себе: *тырнашам* – лит. *тырнанам* ‘чешусь’.

Употребительны наречия, образованные с помощью аффиксов: -лата/-лэтэ: *акчалата* ‘деньгами’ -тай/-тэй, -дай/-дэй: *таштай* ‘как каменный’, -сыз/-сез: *инәбетсез* -ға/-гә: *тик-томалга* ‘ни с того, ни с сего’, -лы/-ле: *чаклы-чоклы* -лап/-лөп: *бертекләп* ‘по зернышку’ -гыч/-геч: *ашыгыч* ‘быстро, скоро’. -тын/-тен: *йәшертен* -чарак/-чәрәк: *минемчәрәк*. Сложные наречия образуются из различных конструкций: *үз булесе белән* ‘по своей воле’. Своеобразен класс лексико-семантических изолированных наречий: *беркауын* ‘немного, от и до’, *өстөстөнә* ‘друг на друга’, наречия меры степени, образованные из сочетания числительных и нумеративных слов: *бер трит* ‘один раз, однажды’, -гынак/-генәк: *кичегенәк* ‘вчера’, наречия места: *арйак* ‘противоположная сторона реки’, *бу төш* ‘это место’.

2.4. Морфологические особенности служебных частей речи.

Выявлено, что в таныпском говоре функционирует много послелогов, которые употребляются в фонетически измененном варианте и диалектные.

1. Послелоги, требующие основного и родительного падежей: *белә, белән* (танып.), *белә, менә, берлән* (айск.). *белән, белә, менән* (кызыл.) – лит. *менән* ‘с’: *Дусым белә бардым* ‘Сходил с другом’.

2. Родительным падежом употребляет послелог *аркада* // *аркасында* ‘благодаря, из-за’ – *аркала* // *аркаһында* (средн.).

Послелоги *гайре, кире* – лит. *башка* ‘кроме’ употребляются в сочетании с местоимениями: *синнән гайре* ‘кроме тебя’.

3. Послелоги, требующие дательного падежа: *хәтле* // *хәтлем, кадәр, чаклы* // *чикле, тикле* // *тиңке, тиклем* (танып.), *сикле, тикле, хәтле* (средн.), *саклы, сәкле, сикле, хәтле* (ик-сакмар.), *сакты, тиклем* (миас.), *сикле, саклы, хәтлем, тиктем, тикле* (кызыл.) ‘до, вплоть, по’: *табан, таба* ‘к’.

4. Послелоги, требующие местно-временного падежа: *озайына* // *озонона* ‘в течение, в продолжение’, *тирәсендә* ‘вокруг, около’,

турында 'о, об, насчет', урнына 'за, вместо' — такие послелого характерны и для демского говора.

Буйы // буйына 'в продолжении' — лит. 'озайына'; турында, хахында 'о'; төшендә 'около' — лит. тирәһендә; арасында 'среди'; оңгайына 'ядоль, по'.

5. Послелого, требующие исходного падежа: аннан соң. аннан кире, аннан киресен 'после'. Употребляется послелог алып 'с', который выражает исходную точку по времени: Сентябрьдән алып укый 'Учится с сентября'.

Заемствованные из арабского, иранского, русского языков, союзы хатта 'все же', жәйсә // йәйсә 'или', тик 'лишь только' имеют башкирские корни. Союзы ботта 'как будто', тәки 'так и, ну, но' заимствованы из русского языка, а такие, как әгәр, әгәрәнки, әгәр дә, әгәр дә мәгәр 'если', әммә, әммә ләкин, ләкин — 'но' заимствованы из арабского, йөгней, йөгней мәсалән — персидского языков.

В изучаемом говоре употребляется частица ич 'ведь', которая характерна только для таныпского говора, что подтверждает высказанное. Примеры: Әйттем ич 'Сказал же'. Килгән ич 'Пришел же'.

Употребительны частицы бит 'ведь', лабаса, ласа 'ведь же'.

Утвердительно-вопросительное слово әйе бит 'да ведь' в изучаемом говоре образует вариант әйбит. Функционируют частицы әйе, алай 'да', которые употребляются и в сальютском говоре. Утвердительно-вопросительные частицы: әйме, әйеме, ыһымы 'да ведь'. Бич // вич 'весь' — 1) усиительная частица, 2) употребляется в значении исключения чего-либо. В значении просьбы употребляется частица -сана/-сәнә: керсәнә 'зайди-ка, пожалуйста'. Семантику усиления выражают частицы: -чы/-че: Алып бирче 'Поддай, пожалуйста', которая присоединяется к глаголам; -да/-дә: Син дә, мин дә 'И ты, и я'; -ласа/-ләсә: бардым ласа 'Сходил же'; утвердительная частица бит: Алган бит 'Взял же'.

Таныпский говор весьма богат междометиями и междометными словами. Междометия выражают: удивление: ай-һай // ай-хай, бәй, бәрәкәт, бәрәк, бәрәч. Ай-һай, бәй, бәрәкәт (айск.), бәрәк, бәрәс, бәрәкәт (средн., демск.). В говоре междометные слова инәкәйем!, атакәйым! тоже выражают крайне сильное удивление. Инәкәй! Атакәй! (аргаяш., демск.). Бәләш, пирәмәч, жә-ә-әй, бу-у-улмас, кит аннан, ап-па (танып.). Ап-па характерно для айского говора; испуг: абау, жен, айжен; когда сами пугают: Айт! Тайт! суету, спешку: айхәерче (танып.), айхәйерсе (айск.); сожаление: И-их, егетләр! И-и-их, и-ихты-ый; отвращение: абак, боль: әләй (танып., мияс.); радость, удовольствие: И-ии; үәт, агай!; предупреждение (для младенцев): түпәй, төпәй (средн.), ап, ап итмә — междометия, предостерегающие от

падения. *Kakak, kakay, kəkəy* — обозначают грязь. *Məh-məh (itəm)* — если ребенок не слушается, его могут наказать.

2.5. Лексические особенности таныпского говора.

В рассматриваемом нами таныпском говоре башкирского языка много общего с другими диалектами, на основе которых формировался башкирский литературный язык. Вместе с тем в нем много специфического, самобытного, связанного с историей формирования башкирского этноса. Среди специфических языковых средств большое место занимают словосочетания, застывшие фразы, содержащие идеи нравовучения, предупредительности, предосторожности, справедливости, смелости, коллективности. В изучаемом говоре в области лексики много самобытных диалектизмов, функционируют некоторые диалектизмы говоров восточного и южного диалектов, указывающие на исторические контакты.

В таныпском говоре употребляются в основном слова, общие с литературным языком, в то же время говор имеет целый ряд лексических, семантических диалектизмов и заимствованную лексику. Лексические диалектизмы наблюдаются в названиях явлений природы: *ләпек* — лит. *баткак* 'грязь'; растений: *әбей чәче* — лит. *кылган* 'ковыль'; животных: *конажын* 'корова первого отела'; рыб и рыболовства: *харам колагы* — лит. *йөрәк капка* 'жабры'; людей: *әчә* 'противный человек', частей тела: *тез* — лит. *тубык* 'колени'; родства: *бианай* — лит. *кәйнә* 'свекровь'; болезни: *чират* 'эпидемия'; одежды: *кәмә галуш* 'глубокие галоши'; посуды, утвари: *лакан* 'ушат'; пищи: *тош* 'чак-чак'; хозяйственно-бытовой лексики: *дингез-нигез* 'фундамент дома'; частей дома: *көберкә* 'запечье'. Интересны прилагательные: *пырдымсыз* 'беспардонный'; глаголы: *майтарыу* 'заниматься' и т.д.

В говоре встречаются слова, имеющие, кроме литературного значения, диалектные, т.е. дополнительные или переносные. Примеры: *kakшау* — лит. 'расшататься, измотаться' — говор. 'растеряться', *корок* — лит. 'лассо' — говор. 'прямой длинный шест', *йогошло* — лит. 'заразный' — говор. '1) заразный, 2) покладистый', *пешеу* — лит. 'вариться' — говор. '1) вариться, 2) действовать на нервы'.

Среди заимствований таныпского говора выделяются арабские, персидские, финно-угорские, монгольские и русские слова. Примеры: *шадра* 'рябой' (удмурт.), *быжыу* 'вянуть' — удмурт.; *пазу*, *пыйма* 'валенки' — ижевск. диалект коми-зырянского языка, *пими* 'валенки': *пошый* 'лось' — *поши* мордовский.

Заимствования из арабского и персидского языков прочно укоренились во всех говорах башкирского языка, претерпев структурное и семантическое изменения: *гибрәт* 'плохой, плохой пример' — в арабском языке 'поучение, назидание, пример'; *афат* 'бедствие, несчастье' — в персидском 'бедствие, опасность, ржавчина, язва, вред'.

Русские заимствования претерпели фонетические и семантические изменения. Примеры: *биштәр* – *бестарка*, *бүкәй* – *бука*, *патмус* – *поднос*, *тәлинкә* – *тарелка*, *тырактыр* – *трактор* и т.д. Некоторые сочетания слов русского языка освоены как одно целое: *ихтый* – (*междометие сожаления*) *‘Эх, ты’*, *ату*, *атусак* *‘а то’* и т.д. Корень русских слов оформляется башкирским корнем: *чутлашыу* *‘считаться’*, *дауайлашыу* *‘претендовать’*, *биштәрләу* *‘навыкичивать’* и т.д.

В говоре употребляются глаголы русского происхождения плюс башкирский вспомогательный глагол *итеу* *‘делать’*: *памагайт итеу* *‘помогать’*, *падарит итеу* *‘подарить’* и т.д.

В таныпском говоре функционируют все фразеологизмы башкирского языка, но некоторые из них употребляются в измененном варианте: *Йомро баш* – *лит. акыллы баш* *‘себе на уме’*. Бытуют фразеологизмы, специфичные для определенных говоров: *ачкәрнә* (*танып., средн.*) *‘обжора’*. Есть и свои крылатые выражения *коро дуамалга* *‘зря наехал’*.

В заключении подводятся итоги проведенного диссертационного исследования.

Основные публикации по теме диссертации

1. Публикации в изданиях, рекомендуемых ВАК

1. Зайнашева З.Ф., Шакуров Р.З. О некоторых особенностях таныпского говора башкирского языка // Вестник УГАТУ, №2 918), Уфа, 2006. – С. 152-153.

2. Публикации в других изданиях

2. Зәйнәшева З.Ф. Башкорт теленен төньяк-көнбайыш диалектының танып һөйләше // Ученые записки факультета башкирской филологии 2005, Уфа, 2005. – С. 128-132.

3. Зайнашева З.Ф. Таныпский говор северо-западного диалекта башкирского языка // Башкирская филология: достижения, актуальные проблемы, Уфа, 2005. – С. 149-153.

4. Зайнашева З.Ф. Таныпский говор и его место в диалектной системе башкирского языка // Республиканские Киекбаевские чтения. Материалы Кйекбаевских чтений, посвященных известному тюркологу, выдающемуся ученому-языковеду и видному башкирскому писателю Джалилю Кйекбаеву, Стерлитамак, 2006. – С. 157-160.

5. Зәйнәшева З.Ф. Башкорт теленен танып һөйләшендә боронғолар һыяттары // Башкорт филологияһының актуаль проблемалары, Бирск, 2006. – С. 52-57.

6. Зайнашева З.Ф. Фонетические и морфологические особенности таныпского говора башкирского языка в историческом освещении. Препринт. – Уфа: Изд-во УГАТУ, 2007. – 58 с.

Зайнашева Замфира Фатиховна

**ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТАНЫПСКОГО ГОВОРА
БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА**

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

*Лицензия на издательскую деятельность
ЛР № 021319 от 05.01.99 г.*

Подписано в печать 27.05.2008 г. Формат 60х84/16.
Усл. печ. л. 1,38. Уч.-изд. л. 1,61. Тираж 100 экз. Заказ 388.

*Редакционно-издательский центр
Башкирского государственного университета
450074, РБ, г. Уфа, ул. Фрунзе, 32.*

*Отпечатано на множительном участке
Башкирского государственного университета
450074, РБ, г. Уфа, ул. Фрунзе, 32.*

102